

A romantic couple embracing in a fiery, magical setting. The man, with dark hair, is wearing a dark, textured jacket. The woman, with long, flowing blonde hair, is wearing a shimmering, off-the-shoulder dress. They are surrounded by glowing orange and yellow particles, suggesting a magical or fiery atmosphere. The background is dark with some architectural elements visible.

Карина
Родионова

18+

Сердце Лисы
**Менталистка
для Ученого**

Смотри сердцем

Карина Родионова

**Сердце Лисы.
Менталистка для Ученого**

«Автор»

2025

Родионова К.

Сердце Лисы. Менталистка для Ученого / К. Родионова —
«Автор», 2025 — (Смотри сердцем)

Он разбил мое сердце и предал мою любовь. Но прошли годы, и я вынуждена снова быть рядом с ним, хоть и по работе. Известному молодому гению, ученому-артефактору необходима я — менталистка, которая сможет стать его телохранителем. Книга входит в цикл «Смотри сердцем», но является самостоятельным произведением.

© Родионова К., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Карина Родионова
Сердце Лисы. Менталистка для Ученого
Сердце Лисы. Менталистка для Ученого

Глава 1

– Елизавета! – возглас Евгения Михайловича прервал мою возмущенную тираду. – С каких пор ты начала отказываться от порученных мной заданий?

Я тут же замолчала, но обиженно насупилась. Мой начальник всегда отличался сдержанностью и крайне редко повышал голос. Так что, раз он это себе сейчас позволил, то я совсем берега попутала. Да и мне обычно не свойственно отказываться от поручений начальства, да еще и так эмоционально, насколько бы неприятны они ни были. Впрочем, Петровский редко посылал меня туда, где мне грозила бы реальная опасность, без какой-либо страховки. Вот только сейчас был совсем другой случай. Да я лучше бы на опасное задание пошла, чем ЭТО! Я вдохнула и выдохнула, вспомнив про дыхательные тренировки. Постаралась взять себя в руки.

– Евгений Михайлович, у нас что, других телохранителей для этого коз... типа не найдется? Почему я-то?

– Потому что ты – хороший специалист. И ты – женщина, и беспомощная на первый взгляд девушка рядом с Германом не вызовет никаких подозрений. Всего лишь очередная любовница. Я не понимаю тебя, Елизавета! Ты много раз уже принимала участие в подобных операциях и не раз изображала чьих-то любовниц и содержанок. Что изменилось сейчас? У тебя появился ревнивый поклонник?

– Нет! – резко ответила я.

Поклонников у меня всегда было много и даже кое-кто пытался устраивать мне сцены ревности, но с такими я очень быстро расставалась без малейших сожалений.

– Так в чем же дело? – снова спросил меня Петровский.

Я молчала. Не говорить же ему правду.

– Это личное! – буркнула я.

– Елизавета Петровна! – перешел мой начальник на официальный тон. – Вы ведете себя непрофессионально, ориентируясь на личные пристрастия и неприязни! Я еще мог понять, когда ваша подруга Полина, не будучи нашим штатным сотрудником, отказывалась от тех или иных заданий, но в вашем случае такое неприемлемо!

Голос Петровского был холодным и жестким. Я поняла, что спорить бесполезно и даже вредно. Евгений Михайлович может прислушаться к разумным аргументам, но если он переходил на такой тон, лучше было сдаться и отправляться выполнять задание. Тем более, что и разумных аргументов у меня не было. Не могла же я ему объяснить, почему даже видеть этого гада не желаю, а тем более – работать с ним в связке, да еще и изображать из себя его любовницу. Я скрипнула зубами, но промолчала, покорно склонив голову.

– Вот и славно! – выдохнул с облегчением Петровский. – Завтра утром втроем встречаемся в моем кабинете, обговорим детали операции.

– Втроем? – вскинула я на начальника удивленный взгляд.

– Ну да, Герман Шувальский тоже подойдет. Ему нужно быть в курсе наших действий. Лиза, не переживай, – успокоившись, Евгений Михайлович снова перешел на “ты”, – это очень разумный человек. Я не знаю, почему ты так против него настроена, но сам я довольно давно его знаю и уверен, что вы сработаетесь.

Я лишь фыркнула в ответ, но спорить больше не пыталась. По дороге домой, выловила мальчишку-курьера и попросила его отнести две весточки: во дворец князя Вяземского и в особняк виконта Кручинина. Мне необходимо было провести вечер в компании близких друзей, поделиться с ними своими проблемами и почувствовать их поддержку. Более близких людей у меня не было.

Вечером мы встретились с Осой и Пумой в малой гостиной дворца Вяземских. На столике у дивана стоял чайничек с травяным чаем, розетки с различными сладостями и фруктами.

Мне, конечно, предложили вина, но я отказалась: не пить же мне в одиночку! Оса все еще кормила грудью Пранечку, а Пума поглаживала уже чуть округлившийся животик, который еще был заметен далеко не всем, да и то только потому, что девушка обладала весьма худощавой фигуркой.

Мужья моих подруг – князь Инвар Вяземский и виконт Егор Кручинин – уединились в кабинете князя, обсуждая рабочие вопросы, а дети Осы были в детской под присмотром своей бессменной няни.

Иногда к нашей женской компании присоединялась Геля, жена нашего школьного друга Ромки, но сегодня мне хотелось пообщаться в узком кругу только самых близких подруг.

– Лисонька! – говорила мне наша благоразумная княгиня. – Я не совсем понимаю, в чем проблема работать с Шувальским? Вроде нормальный же мужик. Вполне адекватный. Он иногда появляется у нас на приемах и у меня создалось впечатление о нем, как о неплохом человеке.

– Угу, не Прудников какой-нибудь! И не Вениамин. – добавила Пума, вспомнив ошибки своей юности. – Ты, конечно, всегда разбиралась в людях гораздо лучше нас. И уж точно лучше меня. Но... неужели мы настолько в нем ошибаемся?

– Герман, правда, немного не от мира сего. Все же ученый, да еще и артефактор. Они всегда слегка повернуты на своих изобретениях. Но мне он показался добрым и порядочным человеком, – продолжила Оса.

– Вы просто не все знаете! – буркнула я.

– Так расскажи! – ответила княгиня Александра Вяземская. – Я лишь помню, что вы знакомы с ним с детства. Но ты никогда не рассказывала о том, что могло вас связывать. Он же старше тебя лет на пять, насколько я помню?

– Да, – вздохнула я. – Когда мы познакомились, мне было десять лет, а Герману Шувальскому, гениальному сыну заместителя министра образования Шувальского – пятнадцать.

Я неторопливо выпила чашку чая, прежде чем продолжить, и начала свой рассказ.

Глава 2

Пятнадцать лет назад

– Лизка – дура! – выкрикнул мой кузен Феликс, но тут же смолк, поскольку в гостиную входила тетушка.

Не то чтобы тетя Эмилия особенно старалась оберегать меня от оскорблений, но она настаивала на том, чтобы ее дети вели себя прилично в обществе и строго следовали этикету. А согласно этикету, насколько я поняла, обижать меня нужно было незаметно для окружающих.

Именно поэтому мои двоюродные брат и сестра предпочитали делать гадости втихушку. Например, подлить мне в шампунь какой-то хитрой краски, отчего мои волосы из ярко-рыжих на целых две недели стали изумрудно-зелеными. Или ночью повтыкать мне в шевелюру репейника, который просто так вычесать было невозможно – только выстригать. Вот не давали им покоя мои густые ярко-рыжие волосы.

Обзывательства были тоже, но наедине, чтобы ни тетушка, ни гувернантки не услышали. Дура – это было самое мягкое и безобидное из обзывательств. Чаще всего это было что-нибудь вроде “дочь шлюхи” или “ублюдок”.

О том, что я – ублюдок, я узнала совсем недавно, когда переехала в дом тети Эмилии. До этого мы с мамой жили в маленьком городке далеко от столицы и все считали ее вдовой с маленькой дочкой. Когда я подросла до более-менее сознательного возраста, я пыталась узнать у мамы, кем был мой отец и каким он был, но она пообещала рассказать мне все, когда я подрасту. И не выполнила своего обещания.

Мама умерла два года назад, когда мне было восемь лет. Несчастный случай: поскользнулась зимой на гололеде и, упав, ударилась головой об угол здания. Рана оказалась смертельной и она умерла в больнице, не приходя в сознание.

Тогда меня определили в приют, где я и прожила весь следующий год. Как я потом узнала, подслушав разговор служанок, тетя моя и не собиралась забирать меня из приюта, но в светском обществе, где она предпочитала блистать, откуда-то узнали, что ее родная племянница пребывает в приюте для нищих детей и той пришлось забрать меня оттуда.

На самом деле в приюте жилось не так уж и плохо. Да, деликатесами не кормили, но мы и раньше с мамой жили не в роскоши, так что к простой пище я была привычна. Как и к скромным, не всегда новым платьицам. Воспитатели в приюте были хорошие, они жалели сирот и старались дарить нам столько тепла, на сколько им хватало сил. С детьми я была в хороших отношениях, мы вместе играли и никто меня не обижал.

В доме тети Эмилии все было по-другому. Тут меня кормили вкусно, одевали красиво (иначе могли поползти слухи о том, что на сиротку она денег жалеет), вот только любви тут не было. Напротив, ко мне относились с презрением, словно я была грязной приживалкой. Впрочем, похоже, я именно ею в этом доме и была.

Конечно, в глаза мне моя тетя, будучи великосветской дамой, ничего про мою мать не говорила. Но я часто пряталась от своих кузена с кузиной, которые любили дразнить и обижать меня, где-нибудь в гостиной за диваном или в холле за шторой и слышала все разговоры тети Эмилии с ее подругами.

– Ах, – вздыхала моя тетушка, – мое доброе сердце когда-нибудь меня погубит! Я не могла бросить свою племянницу в убогом приюте, пришлось забрать ее к себе. Но страдаю я еще с ней! Яблочко от яблони недалеко падает! Ее мать, моя беспутная сестра, нагуляла ребенка неизвестно от кого, а теперь вот умерла. Не удивлюсь, если по пьяни. И девочка эта... она уже сейчас неуправляема! Я боюсь, что она будет плохо влиять на моих детей. Вы ведь знаете, у меня очень воспитанные и восприимчивые дети и я просто не представляю, как ограждать их от общения с этой грубой и своенравной девчонкой.

Я лежала, скрючившись в углу за диваном и изо всех сил старалась не скрипеть зубами слишком громко. Мама? По пьяни? Да я за все восемь лет нашей совместной жизни алкоголя в ее руках не видела! Такие оскорбления моей мамы меня выбешивали.

Оградить своих детей от меня? Да-да, пусть уже оградит, а то только и делают, что подстраивают мне всякие гадости ее “воспитанные” детки.

Подруги тети ахали и охали в ответ на ее речи, восхищались ее добротой, давали советы.

– может, ее в какой-нибудь пансион со строгим режимом отправить? Что-нибудь при монастыре. Научат ее благодетельству. А как только станет совершеннолетней, сразу и замуж выдать.

– Да кто ж ее возьмет замуж-то, проститутку такую? – возмущалась тетя.

Как интересно! Мне было десять лет, но по ее словам я уже была проституткой. Или после пансиона мне только это и светит? В голове был полный хаос. Я не совсем понимала связей, пытаюсь как-то увязать между собой высказывания тети и ее подруг, но у меня не очень хорошо это получалось.

– Выдай за какого-нибудь вдовца с детьми. Взрослого строгого мужчину. Заодно и уму-разуму научит.

– И то верно, – соглашалась тетя. – Я-то и руки на нее поднять не могу – все же сиротка.

Э... А вот эти постоянные подзатыльники, стоит мне недостаточно правильно сделать реверанс или недостаточно ровно сидеть за столом? А болезненные удары линейкой по пальцам, когда слишком коряво буквы в прописи писала?

Честно говоря, я была бы и не против какого-нибудь пансиона, лишь бы подальше от злобных родственничков, но недавно слышала, как тетя обсуждала эту тему с мужем и они пришли к выводу, что выкладывать кругленькую сумму за приличный пансион они не готовы, а в дешевый отправлять нельзя, так как тут же поползут негативные слухи, чего тетя также не могла допустить.

К тому же я прекрасно видела, что тете нравилось наряжать меня в красивое платьице и показывать своим подругам, как питомца, демонстрируя свою доброту. А потом слушать их восхищение ее добрым сердцем, скромно потупив глазки, тщательно скрывая их тщеславный блеск.

На празднование юбилея высокопоставленного чиновника Николая Шувальского тетушкино семейство отправилось в полном составе. Даже меня взяли – как всегда, в качестве благодетельствованного питомца. Там я впервые и встретила с Германом.

Глава 3

– Держи ее! Хватай! – неслоь позади меня.

Я удирала по длинным коридорам особняка Шувальских от компании подростков, возглавляемой моим кузеном Феликсом. Им казалось это очень веселой игрой – загонять меня в темный угол и там мутузить.

Конечно, взрослые о таких жестоких играх даже не подозревали, а жаловаться кому бы то ни было было бесполезно: мне все равно не верили. Феликс с очень честным видом утверждал, что со мной просто играли, а я все не так поняла. И упала я сама на лестнице и ударилась. Еще и платье свое порвала просто потому, что неуклюжая и все время цепляюсь за углы и спотыкаюсь.

Бегать быстро я не умела и вообще была и правда неуклюжая. Зато за этот год, что жила в доме тети, научилась очень хорошо прятаться. В тетином доме я знала уже все потайные углы. Самое главное было – вовремя скрыться из вида моих двоюродных брата и сестры. Сестра, правда, не особо интересовалась моей травлей, хоть и не из великодушия, а скорее из лени – ей неохота было бегать за мной по всему дому. А вот Феликс отрывался на мне по полной.

В незнакомом мне особняке Шувальских с потайными местами было сложнее – тут я еще ничего толком не знала. Так что, открыв первую же попавшуюся дверь и увидев, что я попала в библиотеку, я как можно тише прикрыла эту самую дверь и нырнула под рабочий стол, накрытый скатертью почти до самого пола, которая удачно скрывали меня от любого, кто вошел бы в библиотеку.

Вот одного я не учла: скрыться от парня, сидящего за этим столом, было сложно. Он с явным удивлением наблюдал за тем, как рыжая девчонка, ворвавшись в библиотеку, залезает под стол, устраиваясь прямо у его ног.

Кажется, он хотел что-то сказать, но тут дверь в библиотеку распахнулась и на пороге появилась толпа раскрасневшихся от бега подростков.

– Где она? – услышала я резкий голос кузена.

– Как вы смеете врываться в библиотеку?! – строго сказал парень, у ног которого я устроилась.

– Мы... это.. – вдруг стушевался Феликс. – Девчонку не видели? Рыжая такая, противная. Худая и конопатая.

Ноги под столом вдруг выпрямились и я поняла, что молодой человек встал из-за стола.

– Библиотека – не место для детских игр! – возмутился он. – Извольте покинуть помещение!

Его голос звенел от праведного гнева и возмущения.

– П-п-простите! Нам показалось... – проблеял Феликс и компания покинула библиотеку, по дороге обсуждая, куда же могла сбежать эта “грязная дочь шлюхи”. Когда их голоса стихли, я в щель под столом увидела, как уже знакомые мне ноги прошли к двери и послышался звук опускающейся изнутри щеколды.

– Вылезай! – сказал парень. – Они уже не попадут сюда, я закрыл дверь.

И я несмело и неловко вылезла из-под стола. Подняла глаза и присмотрелась к своему спасителю. А он был именно спасителем – если бы не он, Феликс с компанией обязательно обыскали бы библиотеку и непременно нашли бы меня. Но при парне, который был явно на несколько лет старше кузена, они не решились на такое.

Он был уже не мальчишка, но еще не взрослый. Юноша лет пятнадцати, высокий и несколько долговязый. Худой шатен с внимательными серыми глазами.

– Тебя как зовут-то, рыжуля? – спросил он. – Я, если что, Герман. Можно просто Герой звать.

- Я – Лиза, – ответила я.
- Чего они от тебя хотели? – спросил Гера.
- Я пожала плечами:
- Да ничего нового. Как всегда – поколотить.
- За что? – удивился парень. – Что ты им сделала?
- Родилась, – просто ответила я.
- А за это бьют?
- Наверное, не всех. Но меня – точно.

Я не хотела вдаваться в подробности и Герман, похоже, почувствовал это мое нежелание и не стал приставать ко мне с расспросами.

– А почему ты в библиотеке сидишь, когда все празднуют? – спросила я. – Или тебе не положено там находиться?

Я изучила внешний вид юноши. Одежда была не вычурная, но не из дешевых. Я умела на глаз определять качество одежды, меня в свое время еще мама этому учила. Не похоже было, чтобы этот парень был, скажем, сыном кого-нибудь из слуг или других работников особняка. Да и вряд ли сыну слуги было бы разрешено пользоваться хозяйской библиотекой.

– Положено, – вздохнул Герман. – Я даже должен там быть. Но я не люблю все эти толпы незнакомых людей, разговаривающих о всякой ерунде. Поэтому пока прячусь тут. Хотя вечером во время бала все равно придется там появиться. Хотя я с гораздо большим удовольствием посидел бы тут, почитал труд известного профессора по артефакторике. Мне только сегодня привезли эту книгу и очень не хочется прерываться на самом интересном месте.

– Прости, – пробормотала я, понимая, что только что как раз прервала это самое увлекательное чтение.

– Да ладно, – махнул рукой Гера. – Все равно сейчас явится слуга и меня потащат готовиться к вечернему приему. А тебя никто искать не будет?

– Кроме Феликса? – фыркнула я. – Не, до вечера я тут никому не нужна. Да и Феликс вместе со своими прихвостнями скоро отправятся на банкет и выступления цирковых артистов. Хоть отдохну от них немного.

– А ты сама разве не хочешь посмотреть на артистов и поесть чего-нибудь вкусенького? – спросил Гера.

– Хочу, – вздохнула я. – Но все равно не дадут спокойно посмотреть и поесть. Так что я до конца вечера побуду где-нибудь тут. Ты не против? Я тихо-тихо, ничего трогать не буду.

Гера усмехнулся:

– У меня есть идея получше. Идем!

Он взял меня за руку и повел вглубь библиотеки. Там оказался запасной выход и мы вышли к более простым коридорам – без картин в позолоченных рамах и ковровых дорожек. Похоже, что это были коридоры для слуг. Этими запасными ходами мы вышли к какому-то помещению, которое я по запаху определила, как кухню.

– Марта! – позвал Герман. – Ты можешь угостить нас чем-нибудь вкусеньким?

Глава 4

Откуда-то из-за шкафа вышла крупная дородная женщина с круглыми румяными щеками. На ней был белый передник, а в руках – небольшое полотенце, которым она вытирала руки. Увидев нас с Германом, она всплеснула руками:

– Ох, молодой господин! Так ведь банкет сейчас начнется, там много вкусенького будет.

– Марта! – поморщился Гера. – Ты можешь себе представить, как можно спокойно поесть, когда на тебя пялится толпа народу, да еще и осанку держи, вилку бери правильную, ешь аккуратно... Это же ужас какой-то, я всегда после этих банкетов остаюсь голодным!

– И то верно, – согласилась Марта. – Садитесь уже, сейчас быстренько чего-нибудь вам сообразу.

Гера взял меня за руку и усадил за небольшой столик в углу кухни. Вскоре перед нами оказались тарелки со всевозможными закусками, кувшин с морсом, два стакана.

– Ешь, не стесняйся! – велел мне юноша и сам принялся с аппетитом уплетать содержимое тарелок.

Я лишь хмыкнула, подумав, что при таком аппетите оставаться таким худым – это, наверное, особое искусство. Кузина за такую способность, наверное, душу продала бы. Эта девица была очень склонна к полноте и тетя Эмилия постоянно ограничивала ее во вкусных.

Поняв, что никто за моей трапезой не наблюдает и не оценивает, как я себя при этом веду, я тоже с аппетитом набросилась на безумно вкусные закуски. Повар тети Эмилии Марте и в подметки не годился!

После холодных закусок шел хорошо прожаренный бифштекс с мелкой запеченой картошечкой, а напоследок передо мной было поставлено блюдо с настоящим шоколадным тортом. Мне было очень сложно осилить все это, но я справилась!

– С-с-спасибо! – с трудом встала я из-за стола, чувствуя себя колом. – Это было восхитительно!

Марта расплылась в такой счастливой улыбке, словно я не ее стряпню похвалила, а подарила ей королевский замок.

Я уже собралась было идти вслед за Герой, который пошел в сторону выхода из кухни, когда мой взгляд упал на подол моего нарядного светлого платья. Шоколадное пятно от торта красовалось прямо на самом видном месте.

– Тетя Эмилия меня убьет! – с ужасом произнесла я, понимая, что даже отстирать это пятно я не смогу.

Герман остановился и обернулся. Увидел причину моих страданий и поспешил успокоить:

– Не переживай, у меня есть артефакт, который за секунду без последствий все очистит. Пошли ко мне!

Он взял меня за руку и куда-то потянул. Я пошла вслед за юношей, не особо веря в то, что с этой катастрофой можно что-то сделать. Но другого выхода у меня не было.

Комната, в которую мы вошли, поразила меня. Тут был полнейший хаос из совершенно непонятных мне вещей: стоящие вдоль стен шкафы были забиты книгами, колбами, пробирками, пружинками, проволочками, стекляшками, камнями и прочим, что я не всегда могла идентифицировать.

– Ой! – пискнула я. – А что это такое?

– Что? – откликнулся юноша, который уже сосредоточенно что-то искал в тумбе большого стола. – А, это моя лаборатория.

– Лаборатория? Но ты же еще... ну не взрослый, – удивленно сказала я, не зная, как не обидно сказать, что мал он еще для владения подобным помещением.

– Это не возрастом определяется, – задумчиво сказал он, доставая какую-то стекляшку и разглядывая ее на свет.

Он не уточнил, что “это”, определяющееся не возрастом, но я поняла. Тем временем Гера поднес стекляшку к пятну на моем платье и крутанул ее по часовой стрелке. Пятно начало потихоньку исчезать, словно растворяясь в ткани. Я изумленно разглядывала совершенно чистое платье.

– Ух ты! – восхищенно сказала я. – Это где ты такой крутой артефакт купил?

Слово “крутой” я услышала от приятелей Феликса и считала его очень модным.

– Нигде, – пожал плечами Гера. – Это моя курсовая работа. С первого курса Академии.

– С первого курса? А сейчас ты на каком? – удивилась я.

– На втором, – ответил он невозмутимо.

– Да врешь ты все! – не выдержала я. – В Академию с шестнадцати лет берут, я знаю. А тебе сколько?

– Мне пятнадцать, – ответил он. – Меня взяли в виде исключения в четырнадцать лет.

Я смотрела на него изумленно. А потом спросила:

– А что еще интересного у тебя есть?

И Гера начал экскурсию по своей лаборатории. Он брал какие-то непонятные невзрачные вещи и рассказывал мне о них совершенно невероятное.

– Это артефакт бодрости, – говорил он, показывая мне тонкий браслет из проволоки. – Я его сделал, когда мне досталась уникальная книга, которую мне нужно было вернуть через два дня. Правда, этот артефакт не совершенен: я потом три дня отсыпался и никакими пушками меня нельзя было разбудить. Мама даже врачей вызвала, думала, что я в кому впал.

Я подошла к стене, на которой висел большой лист бумаги с планом какого-то здания. По этому плану перемещались разноцветные огоньки.

– А это что? – спросила я.

– А, это план нашего особняка. По нему я вижу, не направляется ли кто-нибудь из маминых слуг в сторону моей лаборатории. Иногда, если, скажем, кто-то из них идет сюда, чтобы вытащить меня на какую-нибудь скучную встречу, я убегаю в дальний конец библиотеки или в сад с книгой, и никто меня не может найти. Ну почти никто. Надо будет артефакт невидимости сделать, но пока у меня с ним ничего не получается.

– Здорово! – ахнула я. – Мне бы что-нибудь похожее, чтобы знать, когда Феликс рядом, и успеть спрятаться!

– Не проблема! – заявил Герман.

Он подошел к одному из шкафов и из его глубины извлек невзрачный серый камушек.

– Прости, с красотой у меня пока не ладится, поэтому мои артефакты обычно смотрятся, как какой-то мусор, – как бы извиняясь, сказал Герман.

– Да ерунда, – махнула я рукой. – Так даже лучше Феликсу даже в голову не придет отобрать у меня обычный камешек.

Герман улыбнулся в ответ и рассказал мне, как настроить камень на определенный объект, в деталях представляя его себе. Потом он взглянул на карту и вздохнул, глядя, как фиолетовый огонек приближается на карте к тому месту, которое, похоже, было его покоями.

– Ну все, сейчас меня придут готовить к выходу в свет, – тоскливо сообщил он мне. – Ты посиди тут, подожди немного, я потом отведу тебя, куда надо.

Честно говоря, никуда бы я из этой удивительной лаборатории не уходила, будь моя воля. Но все хорошее когда-нибудь кончается. Я вздохнула и присела на диванчик, сложив руки на коленях, как приличная девочка.

Вскоре в коридоре у входа в покои послышались чьи-то шаги и вошедший слуга сообщил Герману, что пришел помочь ему собраться к банкету.

Глава 5

Герман, извинившись, что ненадолго покинет меня, вышел из лаборатории вместе со слугой, оставив меня пялиться на все эти удивительные штуки, тут и там валяющиеся на полках и столах. Вернулся юноша в нарядном черном камзоле с серебристой вышивкой, который невероятно ему шел. Впрочем, меня в том возрасте такие вещи мало интересовали. Вот стекляшка, моментально очищающая одежду – это да! Ведь особой аккуратностью я не страдала и мне постоянно влетало от тети Эмилии за неподобающий вид. А то, что грязные пятна были получены в результате якобы случайно опрокинутого на меня Феликсом ведра с грязной водой, ее не волновало. Но от любезно предложенного мне Германом очищающего артефакта мне пришлось отказаться – все равно Феликс заметит у меня красивое стеклышко и отберет его.

– Пойдем! – сказал Гера и протянул мне руку.

– Куда мы идем? – спросила я, увлекаемая парнем куда-то по коридору для слуг.

– Увидишь! – ответил он, не желая вдаваться в подробности. Впрочем, тут же добавил.

– Ты же хотела посмотреть цирковое выступление?

– Хотела, – согласилась я. – Но не хочу идти туда, где сейчас Феликс и его компания. Тогда я, скорее всего, стану одним из цирковых артистов для них.

– Не волнуйся, все будет хорошо, – пообещал мне Гера и я почему-то поверила ему.

Мы шли по каким-то мрачным и узким коридорам, которые петляли так, что не уверена, что сама я нашла бы обратную дорогу. Зашли в какой-то небольшой темный чулан и Герман подвел меня к стене.

– Смотри! – сказал он и отодвинул металлическую пластину на этой самой стене.

Открылось небольшое отверстие, в которое я тут же заглянула и ахнула. Через это отверстие как на ладони был виден банкетный зал, а главное – сцена с выступающими артистами. Поскольку чулан этот, похоже, находился на уровне второго этажа сбоку от сцены, представление было отлично видно. Думаю, я его могла видеть даже лучше тех, кто находился сейчас в зале.

– Здорово! – с восхищением выдохнула я.

Герман тут же пододвинул ко мне какой-то высокий стул типа барного и сказал:

– Садись поудобней и смотри. А мне придется пойти к гостям. Но я ненадолго, постараюсь как можно быстрее вернуться. Надеюсь, твои родственники тебя за это время не потеряют?

– Тетя Эмилия вряд ли вспомнит обо мне до самого отъезда. Как, впрочем, и ее муж с дочерью. А вот Феликс вряд ли забудет про свою любимую дичь, за которой он любит охотиться. Но это уже его проблемы, – ответила я.

– Ну тут он тебя не найдет! – уверенно ответил Гера. – Так что сиди, отдыхай, и смотри представление.

С этими словами он покинул темный чулан, а я осталась наблюдать в небольшую дырочку в стене за выступлением акробатов, клоунов и фокусников. Обычно на такие представления меня с собой не брали, а если и брали, то либо усаживали в такое место, что мне ничего не было видно, либо Феликс устраивал какую-нибудь гадость вроде запихнутого мне за шиворот таракана и мне было не до зрелищ. Так что на этот раз я наслаждалась мероприятием по полной.

Я видела также, как в зал вошел Герман в сопровождении хозяев дома и в антракте женщина представила его, как их старшего сына, молодого графа Шувальского. Я даже ахнула от изумления – вот уж не думала, что этот Гера – сын самого хозяина. Только теперь у меня в голове состыковались обращение слуг к нему, как к молодому господину, и весьма обширные покои парня. Да и лаборатория его стояла, я подозреваю, немало.

Я вздохнула и продолжила смотреть выступление цирковых артистов – когда еще мне повезет спокойно посмотреть такое! Ближе к его окончанию Герман вернулся в мой чуланчик

и проводил меня в зал к гостям, где находились мои родственники, которые уже планировали собираться домой. Это был очень удачный момент, чтобы явиться пред ясны очи тети Эмилии: с одной стороны она еще не успела потерять меня, а с другой стороны, Феликс уже не успел устроить мне очередную гадость.

В следующие несколько месяцев артефакт, подаренный мне Герой, существенно облегчил мне жизнь: стоило Феликсу направиться на мои поиски, чтобы сделать мне очередную гадость, при достаточном его приближении камешек, который я держала в кармашке своего платья, начинал слегка вибрировать, сигналивая мне о надвигающейся опасности. Я даже спать ложилась, сжимая в кулаке камень, что не раз защитило меня от различных ночных набегов кузена: я успевала забаррикадировать входную дверь мебелью, либо спрятаться куда-нибудь под кровать.

А потом произошло то, что в очередной раз изменило мою жизнь.

Однажды тетя Эмилия вызвала меня в гостиную и начала отчитывать за недостаточное прилежание в учебе. Не то чтобы ее особо волновала моя успеваемость, но иногда на нее нападало дурное настроение и в такие моменты она предпочитала заниматься моим воспитанием.

Тетя сидела в кресле, а я стояла перед ней навывтяжку, опустив голову и нервно переплетая пальцы рук в замок. Муж тети, дядя Брюс сидел в другом кресле и читал газету, не обращая на нас внимания.

– Ты доведешь меня, дрянная девчонка, – уже срывалась на крик тетя. – Раздену тебя и выпорю по заднице!

– Как это делал с вами вчера наш сосед, господин Бражников? – почему-то ляпнула я.

– Ч-ч-что? – изумленно вытаращилась на меня тетя, задохнувшись очередной тирадой.

– Ну вы стояли голая перед ним на четвереньках, а сосед шлепал вас по попе. Ой, – вдруг поняла я еще одну вещь, – только он почему-то тоже голый был.

Дядя Брюс, опустив газету, с открытым от удивления ртом посматривал то на меня, то на тетю.

– Да что ты несешь? – возмутилась взбешенная и уже не контролирующая себя тетя. – Как ты вообще могла такое увидеть? Мы же закрылись в спальне на замок!

И тут же прикусила язык, поняв, что проболталась.

– Эмилия! – грозно вдруг прорычал дядя Брюс, краснея от ярости.

– Пошла вон! – рыкнула на меня тетя и я постаралась покинуть гостиную как можно скорее.

Я уже со всех ног неслась по коридору, слыша из гостиной громовые вопли дяди и жалобный вой тети.

Как я смогла увидеть все это, я не знаю. Просто вдруг у перед глазами предстала картина, словно увиденная глазами моей тети: она смотрела в большое, во всю стену зеркало в ее спальне, где отражались она, голая, и на четвереньках и позади нее сосед, тоже голый и шлепающий ее по попе. При этом тетя стонала. Наверное, ей было больно, подумала я. Хотя шлепал ее сосед просто ладонью, даже не ремнем.

Глава 6

В следующие несколько дней меня не допекали никакими нравоучениями. Я вообще в эти дни тетю Эмилию не видела. В гостиной она не появлялась, а завтракать, обедать и ужинать предпочитала у себя в спальне. Я сочла за лучшее ничего не спрашивать, но услышала, как Танита спросила у отца, почему их мать не принимает пищу со всеми в столовой, на что дядя Брюс буркнул, что его жена приболела и пока будет отлёживаться в постели.

Спустя несколько дней поздно вечером, пробираясь на кухню за булочкой, я услышала вдали голос тети Эмилии и поторопилась спрятаться в холле за портьерой, дабы меня не застали на месте преступления. Тетя шла через холл в сопровождении своей камеристки и что-то ей выговаривала. Я не удержала своего любопытства и выглянула в щель между шторами. При ярком свете ламп мне удалось хорошо рассмотреть огромный желтеющий синяк под глазом тети. Синяк также красовался на ее скуле, а руки и шея были спрятаны под очень закрытым платьем. Обычно тетя Эмилия предпочитала открытые платья, демонстрируя свою длинную шею и тонкие руки.

Увидев, что тетя идет в сторону кухни, красться туда я тут же передумала, решив, что лучше лечь спать голодной, чем попасться ей под горячую руку.

Мои странные видения по-прежнему посещали меня. Только теперь я начала понимать, что происходит.

Так, однажды я мчалась в учебную комнату, опаздывая на урок с учителем, и случайно на лестнице врезалась в Таниту. Кузина, которой на тот момент исполнилось тринадцать лет, настолько разозлилась, что замахнулась и врезала мне хорошую пощечину. И в тот самый момент, когда ее рука коснулась моей щеки, я вдруг увидела...

Я стала Танитой. Я была в платье Таниты, на мне были ее изящные туфельки, у меня были ее ухоженные руки с аккуратным маникюром. Я стояла в конюшне возле любимой кобылы Таниты и... целовалась с сыном конюха Архипом. Парню было пятнадцать лет и, кажется, ему нравилось целовать дочь хозяйки. Да и сама Танита явно получала удовольствие от этого процесса.

Очнувшись от своего видения, я взглянула на кузину и прошипела ей:

– Если ты еще раз притронешься ко мне, я всем расскажу о том, как ты целовалась с Архипом на конюшне!

Танита, уже было замахнувшаяся на меня другой рукой, вдруг замерла, ее губы обиженно скривились и дрогнувшим голосом она сказала:

– Откуда ты... ты подсматривала? Шпионка! Да тебе никто не поверит!

Я лишь усмехнулась:

– Может, и не поверят, но приглядывать за тобой станут гораздо внимательней.

– Сука! – рявкнула она и, отвернувшись от меня, быстрыми шагами пошла прочь.

Таким же образом я пригрозила Феликсу, что если он не прекратит свои издевательства надо мной, то его папочка скоро узнает, кто ворует его деньги из карманов. Я даже назвала место, где кузен хранит украденное. Место он, скорее всего, после этого разговора сменил, но издеваться надо мной стал гораздо меньше.

Однажды за ужином тетя снова завела разговор о том, что надо бы отправить меня в пансион, где, наконец, займутся моим воспитанием, поскольку ей сложно справиться с такой неуправляемой бестией. На что дядя заявил, что у него нет на это денег.

Честно говоря, я была бы не против пансиона, потому что было у меня крупное подозрение, что хуже, чем в доме у тети, просто быть не может. Потому и ляпнула, не подумав:

– Конечно, вы же все деньги проиграли вчера в этом... как его... в ка-зи-но. И даже тетину любимую брошь.

– К-к-какую брошь? – с подозрением посмотрела тетя Эмилия почему-то на меня.

– Ну такую, в виде прозрачного цветочка с красной серединкой! – ответила я.

Понятия не имела, как называются камни, из которых та брошь была сделана. А вот тетя, похоже, отлично знала стоимость этого украшения, потому что она тут же с подозрением воззрилась на дядю и грозно произнесла:

– Брюс!

– Дорогая, ты же не будешь верить этой несносной девчонке! – почему-то фальцетом возопил дядя.

– Сейчас я проверю и если ее нет на месте... – грозно заявила тетя.

– Милая, да она сама ее украла и на меня все сваливает! – попытался перевести на меня стрелки дядя.

– От этого сейфа ключи есть только у нас с тобой! – рявкнула тетя.

– Но дорогая! – продолжил что-то кричать ей дядя.

Мы с кузеном и кузиной тихонько выскользнули из-за стола и быстро отправились по своим комнатам, стараясь избежать участия в дальнейшем скандале, опасаясь, как бы не попало под горячую руку.

Весь вечер из комнаты дяди доносились визгливые возмущенные вопли тети, звон бьющейся посуды и грохот ломающейся мебели. Слуги, как и мы, дети, старались обходить эту часть особняка стороной и оставаться как можно менее заметными.

А рано утром меня разбудила служанка:

– Госпожа Лиза! Вставайте! Вам скоро ехать.

На столе меня уже ждал простой завтрак, а на полу стоял небольшой чемодан, в который служанка складывала мои нехитрые пожитки.

– Куда? – удивленно воззрилась я на девушку.

– Не знаю, меня не известили. Велели вас собрать и через полчаса посадить в карету. Вы уезжаете.

Я поняла, что расспрашивать бесполезно – девушка просто ничего не знает. Съела весь завтрак, поскольку кто знает, как скоро мне удастся поесть в следующий раз, надела дорожное платье, которое мне приготовила служанка, и вышла вслед за лакеем, несшим мой чемодан.

В карете меня уже ожидали. Там сидела пожилая гувернантка Феликса и Таниты. Эта женщина обучала их с довольно мелкого возраста и вот теперь ее отправляли вместе со мной, как выяснилось, в дальнее поместье тети Эмилии. От меня избавились наиболее прил

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.